

театр оперы и балета. С утра и до поздней ночи здесь кипит беспокойная, шумная, напряженная жизнь. Загляните сюда днем. В одном зале занимается хор, в другом идет репетиция балета, в концертмейстерских солисты разучивают свои партии, в специальном помещении идут занятия оркестра. На сцене художник и рабочие «налаживают» декорацию, осветитель пробует свет, в костюмерной шьют костюмы. А вечером у театральных подъездов зажигаются веселые огни и сотни зрителей заполняют огромный светлый зал, отделанный алым бархатом и украшенный национальным орнаментом. Занавес раздвигается, и вы видите на сцене белорусских артистов, слышите родную мелодию белорусской песни. Вот сегодняшний день нашего театра! А еще не так давно... Давайте заглянем в прошлое, посмотрим, с чего мы начинали.

Он и сейчас стоит у меня перед глазами, кирпичный красный дом на улице Кирова, где у дверей рядом с вывеской «Музыкальный техникум» в 1930 году появилась надпись: «Белорусская государственная студия оперы и балета». Пусть вас не обманывает это громкое название. Студия помещалась в одной комнате, в классе № 20, где одновременно ютились мы все—солисты, хор, балет—и хранилось все наше театральное имущество — декорации, реквизит, костюмы. Мы сами ставили декорации, шили костюмы, все делали охотно и увлеченно, вдохновленные прекрасной целью — созданием белорусского национального театра оперы и балета. Именно тогда возникло основное ядро будущего театра, творческий коллектив во главе с солистами — Болотиным, Друкер, Млодек, Денисовым и другими. Мы были неопытны, молоды, но нам оказывали повседневную заботливую помощь. Известные московские и ленинградские педагоги, музыканты, режиссеры приезжали в Минск и руководили на первых порах нашей работой. Они воспитывали нас в великих традициях русского искусства, помогали овладеть музыкальной культурой и основами реалистического метода. Опыт мастеров искусства великого русского народа вдохновлял нас, помогал овладению мастерством.

По мере того как росла и крепла молодая республика, рос и набирался сил наш театр. К 1939 году, когда для нас построили здание, в нашем репертуаре насчитывалось уже 32 различных названия. В 1940 году на декаду белорусского искусства в Москве мы привезли четыре национальных советских произведения—три оперы и один балет. Среди них — первая белорусская опера «Михась Подгорный» Е. Тикоцкого, музыкальная драма, герой которой прошел обычный для нашего времени путь—от темного безграмотного батрака до революционного вожака и руководителя народных масс; опера А. Богагырева «В пущах Полесья», также посвященная героической эпохе гражданской войны, борьбе с белополяками; балет М. Крошмера «Соловей» (первый белорусский балет), подлинно национальный по музыке и танцам, рассказывавший о далеком прошлом, о борьбе крепостного крестьянина, свободолюбивого сына белорусского народа за счастье и волю. Мы выступили в Москве, можно сказать, с отчетом не только о своей работе, но о жизни всего народа. Наше искусство, рожденное Октябрем, было сотнями неразрывных нитей связано с жизнью страны. Вдохновленное народом, оно было посвящено народу и черпало в нем свои силы.

Москва дала высокую оценку нашему творчеству. Мы вернулись домой окрыленные. Девять премьер осуществили мы в сезон 1940—1941 гг. Широкие перспективы раскрывались перед молодой республикой, уверенно идущей к коммунизму, и перед ее молодым искусством. Мы лелеяли новые творческие замыслы, строили увлекательные планы на будущее.

Все оборвалось внезапно и беспощадно июньским утром 1941 года — в нашу жизнь ворвалась война. Побагровели от крови Двина и Припять, Неман и Березина, помутнели чистые озера, запылали гигантскими кострами города и села, гибли театры, школы, музеи, заводы, академии, больницы... Стон скорби и гнева стоял над Белоруссией. Этот стон откликался эхом в наших сердцах, рождая песню борьбы и ненависти.

«Мы идем в Белоруссию», — так назывался концерт, который мы дали военной Москве 1942 года. Нас было восемнадцать человек, артистов Белорусского театра оперы и балета, — А. Николаева, Р. Млодек, С. Толкачев, В. Таланкин, И. Болотин и другие, а также цимбалисты С. Новицкий и Х. Шмелькин. Это было незабываемое выступление. Какие происходили неожиданные, волнующие встречи в тот вечер в Концертном зале имени Чайковского! Воины находили своих товарищей, которых считали погибшими, брат встречал брата, мать — сына. Суровые, закаленные в огне войны люди плакали, не стесняясь и не тая своих слез.

«Жди нас, Родина, идем!», — этими словами песни заканчивала я концерт.

«Белоруссия жива, и снова зацветут ее травы, и снова будет она нашей, и мы верим в это, и мы клянемся в этом, и мы поем об этом в песнях Белоруссии», — так писала тогда о нашем концерте газета «Известия».

А далеко от Москвы, за линией фронта, в партизанском краю нас слушали наши героические братья и сестры. Партизанская радиостанция отводила нашим выступлениям специальные часы. В то время мы еще не представляли себе действительных масштабов и размаха всенародного партизанского движения. Лишь позднее, когда кончилась война, мы узнали цифру, которая говорит сама за себя, — триста тысяч народных мстителей сражались на белорусской земле! И этим людям, славным сынам Родины, нужно было наше искусство. В партизанский край с «Большой земли» забрасывали не только продовольствие и боеприпасы, но и посылали артистов. «Это и есть счастье», — думала я после очередного концерта нашей бригады в партизанском лагере. Много раз выезжали мы на фронт, в действующие части, Скромный букетик полевых цветов, который торопливо протянул мне танкист, уходивший в бой, на всю жизнь остался для меня одним из самых дорогих подарков. Значит, и этим людям, на линии огня, тоже нужна была наша песня.

Осенью 1944 года мы вернулись в только что освобожденный Минск. Какими словами расскажешь о встрече с любимым городом! Впрочем, городом его можно было назвать лишь условно. Обугленные скелеты зданий, завалы, руины. Я не нашла даже места, где стоял дом, в котором родилась и выросла. Я шла по нашей некогда прекрасной столице, и даже слез не было — они высохли от гнева и горечи. А наш театр, наша гордость! Что с ним стало... Бомба искалечила его, а фашисты разграбили, даже стулья унесли, даже бархат содрали, оставив нам лишь голые грязные стены. Разграбили и надругались — устроили конюшню в зрительном зале, прямо на паркете.

Кто не видел Минска в тот год, попав в нашу столицу сейчас, с трудом поверит в реальность описываемой мною картины. На месте развалин снова вырос город. Прекрасные светлые дома, прямые широкие улицы, просторные площади и цветы, цветы, много цветов! Приглядевшись внимательнее, приезжий заметит, что все в городе имеет удивительно новенький вид. Только деревья, привольно раскинувшие густые кроны, кажется, растут здесь уже много лет. Но не верьте этому впечатлению. Деревья переселились на улицы Минска «взрослыми» и стоят здесь, как и все вокруг, совсем недавно...